

Честный вор — эпизод 5 из 7

Бросился я к старушоночке, сначала ее поклепал, согрешил, а на Емелю, хоть и улика была, что пьяным сидит человек, и домека не было! Нет, говорит моя старушонка, господь с тобой, кавалер, на что мне рейтузы, носить, что ли, стать? у меня у самой намерен юбка на добром человеке из вашего брата пропала... Ну, то есть, не знаю, не ведаю, говорит. Кто здесь был, говорю, кто приходил? Да никто, говорит, кавалер, не приходил; я всё здесь была. Емельян Ильич выходил, да потом и пришел; вон сидит! Его допроси. Не брал ли, Емеля, говорю, по какой-нибудь надобности, рейтуз моих новых, помнишь, еще на помещика строили? Нет, говорит, Астафий Иванович, я, то есть, этого, их не брал-с.

Что за оказия! опять искать начал, искал-искал нет! А Емеля сидит да покачивается. Сидел я вот, сударь, так перед ним, над сундуком, на корточках, да вдруг и накопился на него глазом... Эх-ма! думаю: да так вот у меня и зажгло сердце в груди; даже в краску бросило. Вдруг и Емеля посмотрел на меня.

Нет, говорит, Астафий Иванович, я рейтуз-то ваших, этого... вы, может, думаете, что, того, а я их не брал-с.

Да куда же бы пропасть им, Емельян Ильич?

Нет, говорит, Астафий Иванович, не видал совсем.

Что же, Емельян Ильич, знать, уж они, как там ни есть, взяли да сами пропали?

Может, что и сами пропали, Астафий Иванович. Я как выслушал его, как был встал, подошел к окну, засветил свечу да и сел работу тачать. Жилетку чиновнику, что под нами жил, переделывал. А у самого так вот и горит, так и ноет в груди. То есть легче б, если б я всем гардеробом печь затопил. Вот и почуял, знать, Емеля, что меня зло схватило за сердце. Оно, сударь, коли злу человек причастен, так еще издали чует беду, словно перед грозой птица небесная.

А вот, Астафий Иванович, начал Емелюшка (а у самого дрожит голосенок), сегодня Антип Прохорыч, фельдшер, на кучеровой жене, что помер намерен, женился...

Я, то есть, так поглядел на него, да уж злостно, знать, поглядел... Понял Емеля. Вижу: встает, подошел к кровати и начал около нее что-то пошаривать. Жду долго возится, а сам всё приговаривает: Нет как нет, куда бы им, шельмам, сгинуть! Жду, что будет; вижу, полез Емеля под кровать на корточках. Я и не вытерпел.

Чего вы, говорю, Емельян Ильич, на корточках-то ползаете?

А вот нет ли рейтуз, Астафий Иванович. Посмотреть, не завалились ли туда куда-нибудь.

Да что вам, сударь, говорю (с досады величать его начал), что вам, сударь, за бедного, простого человека, как я, заступаться; коленки-то попусту ерзать!

Да что ж, Астафий Иванович, я ничего-с... Оно, может, как-нибудь и найдутся, как поискать.

Гм... говорю; послушай-ка, Емельян Ильич!

Что, говорит, Астафий Иванович?

Да не ты ли, говорю, их просто украл у меня, как вор и мошенник, за мою хлеб-соль услужил? То есть вот как, сударь, меня разобрало тем, что он на коленках передо мной начал по полу ерзать.

Нет-с... Астафий Иванович... А сам, как был, так и остался под кроватью ничком. Долго лежал; потом выполз. Смотрю: бледный совсем человек, словно простыня. Привстал, сел подле меня на окно, этак минут с десять сидел.

Нет, говорит, Астафий Иванович, да вдруг и встал и подступил ко мне, как теперь смотрю, страшный как грех.

Нет, говорит, Астафий Иванович, я ваших рейтуз, того, не изволил брать...

Сам весь дрожит, себя в грудь пальцем трясучим тыкает, а голосенок-то дрожит у него так, что я, сударь, сам оробел и словно прирос к окну.

Ну, говорю, Емельян Ильич, как хотите, простите, коли я, глупый человек, вас попрекнул понапраслиной. А рейтузы пусть их, знать, пропадают; не пропадем без рейтуз. Руки есть, слава богу, воровать не пойдем... и побираться у чужого бедного человека не будем; заработаем хлеба...

Выслушал меня Емеля, постоял-постоял предо мной, смотрю сел. Так и весь вечер просидел, не шелохнулся; уж я и ко сну отошел, всё на том же месте Емеля сидит. Наутро только, смотрю, лежит себе на голом полу, скрючившись в своей шинелишке; унизился больно, так и на кровать лечь не пришел. Ну, сударь, невзлюбил я его с этой поры, то есть на первых днях возненавидел.